

Тертуллиан

О прескрипции [против] еретиков Тертуллиан

1. Обстоятельства настоящего времени особенно побуждают нас к следующему напоминанию: мы не должны удивляться нынешнему множеству ересей – ни тому, что они существуют (ибо существование их было предвозвещено¹), ни тому, что они подрывают чью-то веру (они для того и существуют, чтобы вера укреплялась в испытаниях). Значит, суетно и неосмысленно многие поражаются тем, что ереси имеют подобную силу. Сколь больше они были бы поражены, если бы ересей не было вовсе! Раз нечто определено к непремennomу бытию (и, значит, обрело причину своего существования), оно не может не быть, ибо подвластно силе, благодаря которой и существует.

2. Не удивляемся же мы ни тому, что существует лихорадка, предназначенная в числе прочих смертоносных и мучительных недугов на гибель человека (а она ведь существует), ни тому, что она губит людей, ибо для этого она и существует. Поэтому, если мы ужасаемся, что ереси, ниспосланные для ослабления и гибели веры, таковы, то прежде нам следовало бы ужаснуться тому, что они вообще существуют: раз они есть, то имеют силу, а раз имеют, то и существуют. Впрочем, лихорадка как зло и по своему назначению, и по своему действию нам, конечно, скорее отвратительна, нежели удивительна; насколько в наших силах, мы бережемся от нее, не имея возможности уничтожить.

Напротив, ересям, которые несут вечную смерть и пламя жестокого огня, кое-кто предпочитает удивляться за великую их силу, нежели этой силы избегать, хотя вполне способен избежать ее. А между тем они и не будут иметь такой силы, если этой силе перестанут удивляться. Ведь в соблазн впадают как раз тогда, когда удивляются, или, напротив, поскольку впадают, то и удивляются, – как будто сила ересей проистекает из некоей истины. И, правда, удивительно, что зло обладает такой силой; но лишь потому, что ереси сильны для тех, кто слаб в вере. В состязании кулачных бойцов и гладиаторов чаще всего кто-то побеждает не потому, что храбр и непобедим, а потому, что побежденный был слабосилен. А затем этот же самый победитель, выйдя против сильного противника, уходит побежденным. Не иначе и с ересями: они сильны благодаря чьей-то

слабости, но бессильны, если встречаются крепкую веру.

3. Тех, кто по слабости своей низвергается ересями, обыкновенно вводят в соблазн некие лица, уже захваченные ересью. Почему же тот или вот этот, люди очень верующие, благоразумные, совершенно свои в церкви, перешли на чужую сторону? Кто, задаваясь таким вопросом, не ответит сам себе, что нельзя их считать ни верующими, ни благоразумными, ни своими, раз их смогли смутить ереси? И что удивительного (думаю я), если кто-то, прежде считавшийся надежным, потом отпадает? Саул, муж добрый паче прочих, потом погибает от зависти²; Давид, муж добрый по сердцу Господа³, потом стал повинен в убийстве и разврате⁴; Соломон, одаренный от Господа всей благодатью и мудростью, склонен женщинами к идолопоклонству⁵. Только одному Сыну Божьему дано было пребывать без греха⁶. Если епископ, диакон, вдова, дева, наставник или даже мученик отпадут от правила веры, – неужто надо будет думать, что в ереси есть истина? Что же, мы веру утверждаем по лицам, или лица по вере? Никто не мудр, никто не верен, никто не велик, если он не христианин: а только тот христианин, кто «претерпел до конца» (Матф. 10,22). Ты, – поскольку ты человек, – знаешь всякого извне; ты думаешь, как видишь, а видишь ты лишь то, что у тебя перед глазами, но «очи Господа, – как сказано, – высоки» (Иерем. 32,19). «Человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце» (1Цар. 16,7). Ибо «познал Господь Своих» (2Тим. 2,19), «и растение, которое не Отец насадил, искореняет» (Матф. 15,13), «и делает первых последними» (Мф.20,16), «и лопата в руке Его, и очистит гумно Свое» (Мф.3,12). Пусть побольше и во все стороны разлетается мякина легкой веры, провеваемая искушениями, – тем чище будет пшеница, засыпанная в закрома Господни. Разве не удалились от Самого Господа некоторые из учеников, поддавшись соблазну⁷? Но ведь прочие не подумали, что из-за этого и они должны удалиться от Него: напротив, те, которые знали, что Он есть «Слово жизни» и пришел от Бога, пребывали спутниками Его до конца, хотя Он кротко предлагал удалиться и им, если они того желают⁸. И не так уж важно, если апостола Его покинули некто Фигелл, и Гермоген, и Филит, и Гименей⁹: ведь и сам предатель Христа был из апостолов. Мы удивимся, если кто-то покидает Его церкви, а ведь то, что мы терпим по примеру Самого Христа, и показывает, что мы – христиане. «Они вышли от нас», – говорит апостол, – «но были не наши; ибо, если бы они были наши, то остались бы с нами» (1 Ин, 2,19).

4. Будем же лучше помнить и речения Господа, и писания апостольские, ибо они и предвозвестили нам будущие ереси, и определили

избегать их. И поскольку мы не боимся их существования, то не удивимся, что они способны на то, из-за чего их нужно избегать. Господь учил, что «много хищных волков придет в овечьих шкурах» (ср. Матф. 7, 15). Что это за шкуры овец, как не внешний облик имени христианского? Что такое хищные волки, как не коварные чувства и мысли, таящиеся внутри на расхищение стада Христова? Что суть лжепророки, как не ложные проповедники? Что суть лжеапостолы, как не поддельные благовестники? Что суть антихристы, – ныне и всегда, – как не мятежники против Христа? Ныне ереси не меньше терзают церковь превратностью учений, чем когда антихрист будет преследовать ее жестокостью гонений: но гонение создает и мучеников, а ересь – только отступников: «А потому надлежит быть и разномыслию между вами, дабы открылись между вами искусные» (1Кор. 11,19), – как те, кто устоял в гонениях, так и те, кто не отклонился к ересям. Поэтому и не приказывает апостол считать людьми искусными тех, кто меняет веру на ересь. Ведь они все толкуют по-своему, – ибо апостол в другом месте сказал: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1Фес. 5,21); но разве нельзя, плохо все испытав, выбрать по заблуждению какое-нибудь зло?

5. Далее, если апостол порицает разногласия и раздоры, которые без сомнения суть зло, то следом присоединяет и ереси¹⁰. Что он причисляет к злу, то, конечно, и объявляет злом, и даже большим, ибо говорит, что поверил [словам] о несогласиях и раздорах, зная, что надлежит быть даже и ересям. Он объявляет, что легче поверил в меньшее зло, имея в виду большее. Разумеется, он уверился в зле не потому, что ереси благи, но чтобы предостеречь: негоже удивляться искушениям еще худшего свойства, которые, говорил он, обращены к выявлению искусности тех, кого они не смогли совратить. И если вся глава исполнена духом сохранения единства и усмирения разделений, – а ереси не меньше удаляют от единства, чем расколы и раздоры, – то, без сомнения, он и ереси подвергает такому же порицанию, как расколы и раздоры. А потому он не считает искусными тех, которые обратились в ересь, ибо особенно порицает такого рода уклонение, поучая: «Чтобы все говорили и разумели одно» (1Кор. 1,10), – чего ереси как раз и не позволяют.

6. К чему дольше говорить об этом, когда тот же Павел, который и в другом месте причисляет ереси к плотским преступлениям, – в послании к Галатам¹¹, – внушает Титу отвратиться «от еретика после первого... вразумления, зная, что он так развратился и грешит, что самоосужден» (Тит. 3, 10–11). Но и почти в каждом послании, неустанно твердя о необходимости избегать превратных учений, он касается ересей: их плоды

и суть превратные учения, называемые греческим словом «ересь» (αἵρεσις), оно обозначает выбор мнения, которое используют для наставления или усвоения подобных [учений]¹². Потому апостол и сказал, что еретик осужден самим собою, что он сам выбрал себе то, в чем осуждается. Нам же нельзя ничего вводить по нашему изволению, ни избирать того, что некто ввел по своему произволу. Наши наставники (*auctores*) – апостолы Господни; сами они не избирали по своему изволению ничего, что хотели бы ввести, но, напротив, принятое от Христа учение верно передавали народам. Поэтому «если даже ангел с небес благовествовал бы иначе, да будет наречен анафема» (Галат. 1,8). Ведь уже тогда Дух Святой провидел, что в некоей деве Филумене будет ангел разделения, преобразующийся в «Ангела света» (2Кор. 11,14), знаменами и чарами которого Апеллес был побужден ввести новую ересь¹³.

7. Все это учения людские и демонские, «льстящие слуху» (1Тим. 4,1; 2Тим. 4,3) и рожденные изобретательностью языческой мудрости, которую Господь называет глупостью: «немудрое мира» (1Кор. 1,27) избрал Он для посрамления даже самой философии. Она, конечно, есть материя языческой мудрости, безрассудная толковательница Божественной природы и установления. Как раз от философии сами-то ереси и получают подстрекательство. Отсюда эоны, какие-то неопределенные формы и троичность человека (*trinitas hominis*) у Валентина: был он платоник¹⁴. Отсюда и Маркионов Бог, который лучше из-за безмятежности своей: этот пришел от стоиков¹⁵. А эпикурейцы особенно настаивают на мнении, что душа погибает¹⁶. И все философы сходны в том, чтобы отрицать воскресение плоти. А где материя уравнивается с богом, там учение Зенона; где речь идет об огненном боге, там выступает Гераклит¹⁷. Тот же предмет обсуждается у еретиков и философов, те же вопросы повторяются: откуда зло и почему? откуда человек и каким образом? и, что недавно предложил Валентин, откуда Бог? Конечно, от мысли и преждевременных родов¹⁸. Жалкий Аристотель! Он сочинил для них диалектику – искусство строить и разрушать, притворную в суждениях, изворотливую в посылках, недалекую в доказательствах, деятельную в пререканиях, тягостную даже для самой себя, трактующую обо всем, но так ничего и не выясняющую. Отсюда их нескончаемые «рассказы и родословия, и бесплодные вопросы, и словеса, ползучие, как рак» (ср. 1Тим. 1,4; Тит. 3,9). Удерживая нас от них, апостол особенно указывает, что должно остерегаться философии, когда пишет к Колоссянам: «Смотрите, чтобы никто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому» вопреки промыслу Духа

Святого (ср. Кол. 2,8). Был он в Афинах, и там в собраниях узнал эту мудрость человеческую, домогательницу и искажительницу истины; узнал, что она сама разделилась на многочисленные ереси из-за множества сект, противоположных одна другой.

Итак: что Афины – Иерусалиму? что Академия – Церкви? что еретики – христианам?¹⁹ Наше установление – с портика Соломонова²⁰, а он и сам передавал, что Господа должно искать «в простоте сердца» (Прем. 1,1). Да запомнят это все, кто хотел сделать христианство и стоическим, и платоническим, и диалектическим. В любознательности нам нет нужды после Иисуса Христа, а в поисках истины – после Евангелия. Раз мы верим [во что-то], то не желаем верить ничему сверх этого: ибо в это мы верим прежде всего, и нет ничего более, во что мы должны бы поверить.

8. Итак, я приступаю к тому положению, которое и наши привлекают для подкрепления своей любознательности, и еретики твердят в оправдание своей мелочной придирчивости. Написано (говорят они): «Ищите и найдете» (Матф. 7,7). Вспомним, когда Господь произнес это. Я думаю, в самом начале Своего поучения, когда у всех еще были сомнения, Христос ли Он, и когда Петр еще не возвестил, что Он – Сын Божий, когда, наконец, Иоанн, имевший знание о Нем, ушел из жизни²¹. Значит, с основанием было сказано тогда: «Ищите и найдете», – ибо нужно было еще искать Того, Которого не узнали до тех пор. И относится это к иудеям – к ним ведь обращен весь упрек этого речения, ибо у них было, где искать Христа. У них, – говорит Он, – «есть Моисей и Илия, то есть Закон и Пророки» (ср. Лук. 16,29)²², проповедующие Христа. Согласно этому Он и в другом месте говорит: «Исследуйте Писания, в коих надеетесь найти спасение, ибо они говорят обо Мне» (Иоан. 5,39). Это и будет: «Ищите и найдете», ведь ясно, что и последующие слова относятся к иудеям: «Стучите, и отворят вам» (Матф. 7,7). Прежде иудеи были у Бога; с тех пор, отвергнутые за преступления, стали быть вне Бога. Язычники же никогда не были у Бога, но были «только капли из ведра, пыль на площади» и всегда вовне (ср. Ис. 40,15). А как же тот, кто всегда был вовне, будет стучать туда, где никогда не был? Как узнал он ту дверь, через которую никогда не входил и не выходил? Не тот ли скорее постучит, который знает, что был внутри, был изгнан наружу, и который знает вход? Поэтому и слова: «Просите, и дано вам будет» (Матф. 7,7) – относятся к тому, кто знал, у Кого надо просить и Кем нечто было обещано, а именно: у Бога Авраама, Исаака и Иакова, Которого язычники знали не более, чем какое-нибудь Его обещание. Поэтому Он говорил Израилю: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 15,24). Еще не бросал Он

«хлеба детей своих собакам» (Мф.15,26), еще не приказывал идти «на путь к язычникам» (Мф.10,5). Если же в конце Он и повелел им «идти для поучения и крещения народов» (ср. Мф.28,19), то вскоре будет им дан Святой Дух-Утешитель, чтобы Он «наставил их на всякую истину» (Иоан. 16,13). И Он сделал это с ними. Если же сами апостолы, поставленные учителями народов, должны были обрести Утешителя, то тем более не к нам будут обращены слова: «Ищите и найдете», к нам учение должно было прийти иначе, через апостолов, а к самим апостолам – через Духа Святого. И хотя все речения Божьи, которые достигли нас через уши иудеев, обращены ко всем, однако многое в них относилось к определенным лицам; поэтому они являются для нас не прямым наставлением, а примером.

9. Ныне по своей воле схожу я с этой ступени. Для всех сказано: «Ищите и найдете». Но и тут полезно поспорить о смысле с учетом руководящего начала толкования²³. Ни одно речение Божье не является столь несвязным и расплывчатым, чтобы следовало настаивать только на словах, не определяя их смысла. Однако сперва я заявляю следующее: Христом установлено нечто единое и верное; этому безусловно должны верить народы, а потому «искать» это, дабы они могли уверовать, когда найдут. Но разыскание единого и верного установления не может быть бесконечным; нужно искать его, пока не найдешь, и веровать в него, когда найдешь. И не нужно ничего более, нежели как сохранять то, во что уверовал. Поэтому сверх того веруй лишь, что не должно верить ни во что другое и не должно искать ничего. Ведь ты отыскал и уверовал в то, что установлено Им, – а Он ничего иного не приказывает тебе искать кроме того, что установил. Если кто и сомневается в этом, то да будет ему известно, что мы [т.е. нееретики] владеем тем, что установлено Христом. Тем временем, полагаясь на надежность [моего] доказательства, я напомню кое-кому, что не следует искать ничего сверх того, во что они уверовали, то есть того, что должны были искать: то есть не нужно толковать слова «Ищите и найдете» без разумной основы.

10. А разумная основа этого речения состоит в трех положениях: в предмете (*res*), времени и пределе (*modus*). В предмете – дабы ты обдумал, что должно искать, во времени – когда искать, в пределе – доколе искать. Искать, стало быть, нужно то, что установил Христос, – во всяком случае, если ты не имеешь, и до тех пор, пока не найдешь. А нашел ты тогда, когда поверил: ведь ты не поверил бы, если бы не нашел, равно как ты не стал бы искать, если бы не надеялся найти. Значит, для того ты ищешь, чтобы найти, и для того находишь, чтобы поверить. Верую ты ограничил

дальнейшее разыскание и нахождение: этот предел положен тебе самим итогом разыскания. Эту границу определил тебе Тот, Кто не желает, чтобы ты верил во что-то иное, кроме установленного Им, а потому не желает, чтобы ты еще что-то искал. Кроме того, если мы, – поскольку и многими другими поставлено много различных вопросов, – должны искать столько, сколько [вообще] можем отыскать, то мы всегда будем искать и никогда ни во что не уверуем. Где же будет предел исканию? Где пристань веры? Где конец нахождению? У Маркиона? Но ведь и Валентин предлагает: «Ищите, и найдете». У Валентина? Но ведь с этим же речением будет стучаться ко мне Апеллес; и Эвион, и Симон²⁴, и все прочие не имеют ничего иного, чем могли бы склонить и расположить меня к себе. Итак, я не окажусь нигде, пока повсюду взываю: «Ищите и найдете», – словно у меня нет места²⁵ и словно я никогда не понимал того, чему учил Христос: того, что следует искать, того, во что необходимо верить.

11. Безнаказанно заблуждается человек, если на нем нет вины (хотя заблуждение и есть провинность). Безнаказанно, говорю я, блуждает тот, кто ничего не покидает. Но раз я уверовал в то, во что должен был уверовать, и полагаю, что снова нужно что-то искать, то я, конечно, надеюсь отыскать это. Надежда на это существует лишь потому, что я или не уверовал (хотя казался верующим), или перестал верить. Значит, покидая мою веру, я оказываюсь отрицателем (*negator*). Я скажу раз и навсегда: только тот ищет, кто либо не имел, либо потерял. «Женщина потеряла одну из десяти драхм, и потому искала; а когда нашла, перестала искать» (ср. Лук. 15,8). «Сосед не имел хлеба, и потому стучал в дверь; а когда ему открыли и дали хлеба, перестал стучать» (ср. Лк.11,5 сл.). «Вдова просила судью выслушать ее, ибо ее не пускали; когда же ее выслушали, прекратила просить» (ср. Лк.18,2 сл.). Поэтому есть предел и исканию, и стучанию, и прошению. Ибо «просящему дастся», – говорил [Он], – «и стучащему откроют, и ищущий найдет» (Лк.11,10). Пусть задумается тот, кто всегда стучит, почему ему никогда не откроют: он ведь стучит туда, где никого нет. Пусть задумается тот, кто всегда просит, почему его никогда не выслушают: он просит у того, кто не слушает.

12. Хотя нам и следовало искать и теперь, и всегда, – но где следовало искать? У еретиков, где все чуждо и враждебно нашей истине, к которым нам запрещено и подходить? Какой раб надеется получить пропитание от чужого, – не скажу уж, – от врага, – господину своему? Какой воин получает подарки и жалованье от владык, с которыми нет союза, – чтобы не сказать – от врагов, – как не явный изменник, перебежчик и мятежник? Даже и та женщина искала драхму под своей крышей; даже тот стучавший

ударял в дверь соседа; даже та вдова взывала не к врагу, а к судье, хотя и суровому. Никого не может наставить то, что развращает; никого не может просветить то, что затемняет. Будем же искать в нашем, у наших и из нашего, – и лишь то, что можно искать, сохраняя Правило веры²⁶.

13. А Правило веры, – дабы нам уже теперь объявить, что мы защищаем, – таково: им удостоверяется, что Бог един и нет иного Бога, кроме Творца мира, Который произвел все из ничего через Слово Свое, происшедшее прежде всего. Слово это, названное Сыном Его, которое по-разному открывалось патриархам в имени Божьем, всегда слышно было в пророках, сошло, наконец, из Духа Бога-Отца и Благодати Его на Деву Марию, стало плотью во чреве Ее и произвело родившегося от Нее Иисуса Христа. Затем Он возвестил новый Закон и новое обетование Царства Небесного, творил чудеса, был распят на кресте, на третий день воскрес. Вознесшись на Небо, воссел одесную Отца, послал наместником Своим Духа Святого, чтобы Он водил верующих. И придет Он со славой даровать праведным плоды жизни вечной и небесного блаженства, а нечестивых осудить к пламени вечному, воскресив тех и других и возвратив им плоть. Это правило, установленное (как будет показано) Христом, не вызывает у нас никаких вопросов, – их выдвигают только ереси, и эти вопросы создают еретиков.

14. Однако если Правило сохраняется в своем неизменном виде, то спрашивай и рассуждай, преисполнившись всей страстью любознательности. И если тебе что-то кажется или двусмысленным или затемненным неясностью, то, конечно, всегда найдется какой-нибудь ученый брат, одаренный благодатью знания, кто-нибудь, кто вращался среди искушенных; разыскивая вместе с тобою, но столь же пытливым²⁷, он определит, наконец, что лучше тебе пребывать в неведении, дабы ты не узнал того, чего не должен (ибо ты узнал уже то, что должен был узнать). "Вера твоя, – говорит Он, – спасла тебя» (Лук. 18,42), а не начитанность в Писании. Вера заключена в Правиле; в ней ты находишь закон и спасение за соблюдение закона. Начитанность же состоит в любопытстве, обладая одной лишь славой за рвение и опытность. Пусть любопытство уступит вере, пусть слава уступит спасению. Пусть по крайней мере не докучают или умолкнут. Не знать ничего против Правила веры – это знать все. Пусть еретики и не были бы врагами истины, пусть нам и не напоминали бы о необходимости избегать их, – [все равно], что пользы общаться с людьми, которые и сами признают, что до сих пор еще ищут? И если они действительно ищут до сих пор, значит, до сих пор не нашли ничего верного. И поэтому, пока они еще ищут, они показывают свое сомнение в

том, что, как представляется, есть у них сейчас. Значит, тебя, который точно так же ищешь, обращаясь к тем, которые и сами ищут, – тебя неизбежно приведут к яме, сомневающегося – сомневающиеся, невежду – невежды, «слепца – слепцы» (ср. Матф. 15,14). Вот они объявляют (думая обмануть нас): они-де затем до сих пор ищут, чтобы внушить нам свое беспокойство и свои вопросы. Но стоит им только добиться своего – и они сейчас же защищают то, что, по их словам, еще нужно разыскивать. Тут нам нужно так опровергать их, чтобы они знали: мы отрицаем их, а не Христа. Ведь если они до сих пор ищут, то еще не имеют; а поскольку не имеют, то еще не уверовали и не суть христиане. Но пусть даже у них есть, во что верить; они же говорят, что нужно искать, чтобы защищать. Но прежде чем защищать, они отрицают то, во что, по их признанию, они еще не поверили, – пока ищут. Стало быть: кто не христианин сам для себя, насколько же больше не христианин для нас? Какую же веру обсуждают те, которые действуют обманом? Какую веру защищают те, которые вводят ее ложью? Однако сами они действуют и убеждают от имени Писания. В самом деле: откуда же еще они могут заимствовать слова о вере, как не из Писаний веры?

15. Итак, мы пришли к намеченному. К этому мы направлялись и к этому подготавливали предварительным обращением, чтобы отсюда уже приступить к спору, на который вызывают нас противники. Они ссылаются на Писание, и этой своей дерзостью все время смущают многих. А как дело доходит до спора, тут они утомляют твердых, увлекают слабых, а тех, кто посредине, оставляют в сомнении. Значит, мы лишим их этого выгоднейшего положения, если не станем допускать ни к каким рассуждениям о Писании. Если же силы их в том, что они могут обладать Писанием, то нужно посмотреть, кому оно принадлежит, дабы не был допущен к Писанию тот, кому это не подобает.

16. Может показаться, что я высказал это, дабы [устранить] недоверие к себе или из желания по-новому представить наш спор, – если бы [у меня] не было [прочного] основания, – прежде всего, того, что вера наша обязана повиноваться апостолу, который запрещает «входить в разыскания, обращать слух к новым голосам» (ср. 1Тим. 6, 3–5), общаться с еретиком «после одного вразумления» (ср. Тит. 3,10), а не после прения. Он запретил споры, указав на вразумление как на [единственный] повод общения с еретиками и притом единократный, именно потому, что еретик – не христианин, и дабы не оказалось, что его, по христианскому обыкновению, нужно наставлять и «единожды, и дважды»²⁸. В тексте, которым пользовался Тертуллиан, отсутствовали слова »и второго«. в

присутствии «двух или трех свидетелей» (ср. [Тит. 3,10](#); [Матф. 18, 15–16](#)). Еретика именно потому и нужно наставлять, что не следует вступать с ним в прения. Кроме того, прения с ним насчет Писания очевидно приведут только к порче желудка или мозга.

17. Ведь эта ересь не признает некоторых [книг] Писания, а если какие и признает, то не целиком, искажая их вставками и пропусками в угоду своему замыслу. А если кое-что сохраняется в целом виде, то и это искажается, будучи снабжено различными толкованиями. Превратный смысл настолько же противен истине, насколько испорченный текст. Пустые предрассудки, разумеется, не желают признавать того, чем изобличаются; они пользуются тем, что составлено из лжи и взято из двусмысленности. К чему придешь ты, знаток Писания, если защищаемое тобой отрицается и, наоборот, отрицаемое тобой защищается? Ты, впрочем, ничего не потеряешь в споре, кроме голоса, но ничего и не приобретешь, кроме различия желчи от брани.

18. А если найдется такой, ради кого ты вступишь в прение о Писании, дабы оградить его от сомнений, – то обратится ли он к истине или скорее к ереси? Смущенный тем, что ты нисколько не продвинулся в споре (ибо видит, что противная сторона одинаково искусна в отрицании и защите и ничуть не уступает), он покинет прения еще менее уверенным, не зная, что считать ересью. Ведь еретики обращают против нас наши же доводы. И, конечно, они говорят, что порча Писания и превратные толкования скорее исходят от нас, ибо истину они утверждают за собою.

19. Стало быть, не следует взывать к Писанию; не следует состязаться там, где победы нет, либо она сомнительна или же и то и другое неясно. Ведь если бы даже и не выходило, что в споре о Писании обе стороны равны, [все равно] порядок вещей требовал прежде выяснить то, о чем теперь единственно приходится спорить: кому присуща сама вера? кому принадлежит Писание? кем, через кого, когда и кому передано учение, которое делает людей христианами? Ибо там, где обнаружится истина учения и веры христианской, там и будет истина Писания, истина толкования и всего христианского предания.

20. Кем бы ни был Господь наш Иисус Христос (да позволит Он пока выразиться так), Сыном какого Бога Он ни был бы, какова бы ни была природа (*materia*) Его человечества и Божества, какой бы веры Он ни был наставник, какое бы воздаяние ни обещал, – однако Он Сам возвещал, что Он есть, что Он был, какую волю Отца Он исполнял, что определил делать человеку, когда обитал Он на земле: возвещал или открыто, народу, или отдельно, ученикам, из коих двенадцать Он особенно приблизил к Себе,

определив им быть учителями народов. Когда же один из них отпал, остальным одиннадцати, возносясь к Отцу после Воскресения, Он приказал «идти и учить народы, крестя их в... Отца, и Сына и Духа Святого» (Матф. 28,19). Тут же апостолы (это имя значит: «посланники»), избрав жребием двенадцатого, Матфия, на место Иуды, по велению (ex auctoritate) пророчества, которое содержится в псалме Давидовом²⁹, обрели обещанную им силу Духа Святого для чудодействия и проповеди; прежде всего они свидетельствовали веру и основали церкви в Иудее, а затем отправились по миру, возвещая то же учение той же веры народам; равным образом, они в каждом городе учреждали церкви, от которых получили отросток веры и семена учения прочие церкви, да и постоянно получают новые церкви: посему они и сами причисляются к апостольским как побеги апостольских церквей. О всякой породе следует судить по началу ее. Итак, хотя существует множество церквей, но апостольская, первоначальная церковь, от которой происходят все прочие, одна. Поэтому [в некотором отношении] все они первоначальные и апостольские, ибо все они составляют одну. Единство же их доказывается общением в мире, именем братства и узами взаимного радушия (*contesseratio*).

21. Отсюда мы выводим [первое] возражение (*praescriptio*): если Господь Иисус Христос послал апостолов проповедовать, нельзя признавать других проповедников, кроме назначенных Христом, ибо «Отца никто не знает, кроме Сына и того, кому Сын открыл» (Матф. 11, 27); а Сын, как представляется, не открыл никому, кроме апостолов, и послал их на проповедь того именно, что Он им открыл. А то, что они проповедовали (именно то, что открыл им Христос), нужно (возражу и здесь) доказывать не иначе, как через те же церкви, которые сами апостолы основали, когда проповедовали, как говорится, и живым словом и впоследствии через послания. Если это так, тогда ясно, что всякое учение, единоедушное с этими апостольскими церквями, прародительницами и основательницами веры, нужно считать истинным; в нем, без сомнения, содержится то, что церкви получили от апостолов, апостолы – от Христа, а Христос – от Бога. Все же прочие учения нужно считать ложью, ибо они противны истине церковной, апостольской, Христовой и Божьей. Стало быть, нам остается доказать, что это наше учение (Правило его мы привели выше) следует причислить к преданию апостольскому, а все прочие тем самым коренятся во лжи. Мы имеем общение с церквями апостольскими, ибо у нас нет различия в учении: таково свидетельство истины.

22. Но, раз довод этот настолько удобен, что, – если мы приведем его

тотчас же, – он не оставит места для обсуждения, то дадим противной стороне случай и возможность высказать, если пожелает, кое-что для ослабления этого нашего возражения (словно мы и не приводим его). Обыкновенно они говорят, что апостолы не все знали: будучи одержимы тем безумием, которое все обращает в противоположность, они тут же [утверждают], что хотя апостолы и знали все, но не передавали всего всем. И тут, и там они порицают Христа за то, что Он послал или недостаточно наученных или не слишком правдивых. Но кто в здравом уме сможет поверить, что те, кого Господь поставил учителями, чего-нибудь не знали? Те – которые были неразлучны с Ним в дороге, в учении, в постоянном общении, кому «Он наедине разъяснял все темное» (Мк. 4,34), говоря, что им «дано познать тайное» (Мф. 13,11), которое народу не дано было понять? Разве что-то было скрыто от Петра, который был наречен камнем для воздвижения Церкви, получил «ключи Царства Небесного» и власть «разрешать и связывать» – на небесах и на земле (Мф.16:19). Разве что-то было скрыто и от Иоанна, любимейшего ученика Господа, «припадавшего на грудь Его» (ср. Иоан. 13:25, 21:20): ему одному Он показал предателя Иуду, его вместо Себя как сына препоручил Марии. Разве Он желал, чтобы чего-нибудь не знали те, кому явил Он даже Славу Свою, и Моисея, и Илию, а сверх того – глас Отца с неба?³⁰ И не потому, чтобы Он отвергал прочих, но потому, что «при трех свидетелях прочно стоит всякое слово» (Втор. 19,15; Мф. 18,16). Значит, не ведали те, кого по Воскресении Он удостоил изъяснять на пути «все Писание» (Лук. 24,27)? Конечно, Он однажды сказал: «Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить», – но тут же добавил: «Когда же придет Он, Дух истины, то Сам наставит вас на всякую истину» (Иоан. 16,12–13). Этим Он показал, что ничего не было скрыто от тех, кому Он обещал открыть всякую истину через Духа истины; и, конечно, Он исполнил обещание, ибо в Деяниях апостолов свидетельствуется о нисхождении Святого Духа. Те же, которые не признают этой книги Писания³¹, не могут иметь и Духа Святого, ибо не могут признать, что Дух Святой был ниспослан на учеников. Равным образом не могут защищать церковь те, кто не в силах показать, когда и в какой колыбели учреждено это сообщество. Вот во что обходится им бездоказательность того, что они защищают, – лишь бы только не допустить верного разъяснения того, что они измышляют.

23. А чтобы поглумиться над некоторым незнанием апостолов, они указывают, что Петр и бывшие при нем были обличены Павлом³². «Значит, – говорят, – у них чего-то недоставало»; и отсюда делают вывод, что апостолы могли впоследствии обрести более полное знание, каковое и

досталось Павлу, обличавшему своих предшественников. И тут мы можем сказать отвергающим Деяния апостолов: сперва покажите, кто таков этот Павел, кем он был, прежде чем стал апостолом³³, и как стал им: ведь на Павла они [еретики] часто опираются и в других вопросах. Но если он сам свидетельствует, что стал апостолом из гонителя, то, конечно, этого не довольно для всякого, кто верит в [слово]: «испытайте» – ибо и Сам Господь не свидетельствовал о Себе³⁴. Но пусть себе веруют без Писания, – раз они веруют против Писания. Пусть они – на основании того, что Павел обличал Петра, – докажут, что Павел добавил другое Евангелие, кроме того, которое прежде распространяли Петр и бывшие с ним. Но ведь Павла, ставшего проповедником из гонителя, братья отводят к братьям, как одного из братьев, а они – к тем, которые приняли веру от апостолов. Потом, как он сам рассказывает, он «ходил в Иерусалим», дабы «увидеться с Петром» (Галат. 1,18), именно, по обязанности и праву одной и той же веры и проповеди. Ибо они не удивились бы, если бы Павел, ставший проповедником из гонителя, учил чему-нибудь противоположному, и не «восславили бы Господа» (Гал.1,24) за то, что Павел пришел как недруг Его. Поэтому они «подали ему правую руку» (Гал.2,9) в знак согласия и общения, и назначили меж себя распределение трудов, но не разделение Евангелия: не так, чтобы один проповедовал одно, а другой – другое, но чтобы каждый проповедовал другим – Петр – «обрезанным», Павел – «язычникам» (там же). Поэтому, если Петр подвергся нареканию за то, что прежде «ел с язычниками», а затем отказался есть вместе с ними из уважения к некоторым людям (ср. Гал.2:11–12), то, конечно, это был изъян поведения, а не проповеди: ибо он не возвещал другого Бога, кроме Творца, другого Христа, кроме рожденного Марией, и другой надежды, кроме воскресения.

24. Не так уж хорошо, а впрочем, и не так уж плохо, что апостолов я свожу в споре. Но поскольку эти крайне извращенные люди обращают свое нарекание к тому, чтобы представить учение [Петра] (о котором сказано выше) в подозрительном виде, я стану отвечать как бы за Петра: сам Павел сказал, что стал «всем для всех», иудеем – для иудеев, не-иудеем – для не-иудеев, чтобы всех «приобрести» (ср. 1Кор. 9,20 сл.), Стало быть, [апостолы] в зависимости от времени, людей и обстоятельств порицали то самое, что сами дозволяли сообразно времени, людям и обстоятельствам: например, и Петр мог бы порицать Павла за то, что тот, воспрещая обрезание, сам обрезал Тимофея³⁵. Пусть подумают об этом те, кто судит об апостолах. Хорошо, что Петр равен Павлу и в мученичестве. Но даже если сам Павел, взятый на третье небо и «восхищенный в рай»

(2Кор. 12,4), услышал там нечто, то нельзя думать, чтобы это были такие вещи, которые сообщили бы ему другое, лучшее учение, – ибо эти вещи были бы такого свойства, что их нельзя было бы сообщить ни одному человеку. Но если кто-нибудь узнал нечто столь неведомое и если некая ересь утверждает, что следует этому, то либо Павел виновен в разглашении секрета, либо нужно показать, что и кто-то другой затем был введен в рай, и ему позволено было разглагольствовать о том, что Павел не смел и заикнуться.

25. Однако, как мы сказали³⁶, это равное безумие – с одной стороны, признавать, что апостолы все знали и не проповедовали ничего несогласного между собою, и, с другой стороны, настаивать, что они не все всем открывали, ибо одно-де они передавали открыто и всем, а другое – тайно и немногим; ведь и Павел воспользовался этим словом, обращаясь к Тимофею: «О Тимофей! Храни преданное тебе» (1Тим. 6,20) и еще: «Храни добрый залог» (2Тим. 1,14). Что это за залог, столь тайный, что его нужно счесть другим учением? Или его нужно считать тем завещанием, о котором он говорит: «Это завещание вручаю тебе, сын мой Тимофей» (ср. 1Тим. 1,18)? Или же тем распоряжением, о котором он говорит: «Завещаю тебе... перед Богом, все животворящим, и пред Иисусом Христом, Который засвидетельствовал пред Понтием Пилатом доброе исповедание... соблюсти заповедь» (1Тим. 6,13–14)? Какая же это заповедь, какое завещание? Из выше – и ниженаписанного нужно заключить, что этими словами он вовсе не делал никаких намеков на некое тайное учение, но скорее призывал не допускать никакого другого, кроме того, которое [Тимофей] слышал от него самого и, думаю, открыто: «При многих, – говорит он, – свидетелях». (2Тим. 2,2). Если этих «многих свидетелей» они не желают понимать как церковь, то это неважно, ибо не было тайным то, что говорилось «перед многими свидетелями». Однако желание [Павла], чтобы [Тимофей] передал это «верным людям, которые способны и других научить» (2Тим. 2,2), нельзя толковать как доказательство в пользу некоего тайного Евангелия. Ибо, когда он говорит «это», он говорит о том, о чем писал в тот момент, а о тайном, как только ему известном, он сказал бы не «это» (*haec*), а "то" (*illa*).

26. Далее, разумно было бы, чтобы он напомнил тому, кому поручил соблюдение Евангелия, не пользоваться им всюду и неосмотрительно, дабы, согласно слову Господню, «не бросать жемчуга свиньям и святыни псам» (Матф. 7,6). Господь явно сказал это, без всякого намека на какое-либо скрытое «таинство» (ср. Иоан. 18,20). Он Сам заповедал: «Если что услышите во тьме и тайно, то проповедуйте при свете и на кровлях»

(Матф. 10,27). Он Сам путем образного сравнения предупреждал, чтобы ни одну «мину», то есть ни одно слово его, не скрывали без пользы в тайнике (ср. Лук. 19,20 сл.). Он Сам учил: «Свечу не ставят под сосудом, но на подсвечнике, чтобы светила всем, кто в доме» (ср. Матф. 5,15). Апостолы либо оставили это без внимания, либо плохо поняли, если не исполнили этого, скрывая кое-что из света, то есть из слова Божьего и таинства Христова. Они, сколько я знаю, никого не опасались – ни иудеев, ни язычников; и уж тем более свободно проповедовали в церкви те, кто не молчал в синагогах и публичных собраниях. Разумеется, они не смогли бы ни обратиться к иудеям, ни наставить язычников, если бы по порядку (ср. Лук. 1,3) не излагали того, в чем хотели их уверить; тем более они не скрыли бы от уже окрепших в вере церковей ничего, что отдельно доверяли другим немногим. Хотя кое-что они обсуждали, так сказать, в домашнем кругу, тем не менее, не нужно видеть в этом нечто такое, чем вводилось новое Правило веры, другое и даже противоположное тому, которое они возглашали всем принародно, – так что одного Бога возглашали в церкви, другого – в домашнем общении, одно существо (substantia) Христа изображали открыто, другое – тайно, одну надежду на воскресение возвещали при всех, другую – в узком кругу. Ибо сами они в посланиях своих заклинали, чтобы «все говорили одно и то же, дабы не было несогласий и разделений в церкви» (ср. 1Кор. 1,10), – поскольку и Павел, и прочие проповедовали одно и то же. А еще они напоминали: «Да будет слово ваше «да, да», «нет, нет»; а что сверх того, то от лукавого» (Матф. 5,37), – чтобы, стало быть, не толковать Евангелие по-разному.

27. Итак, если невероятно, чтобы апостолы или не знали полноты проповеди, или не сообщили всем все содержание Правила веры, то посмотрим: может быть, апостолы передавали все открыто и полно, а церкви, по изъяну своему, приняли все не так, как им проповедовали. Знай же, что еретики приводят все это как повод к мелочной придирчивости. Они указывают, что апостол порицал испорченные церкви: «О бессмысленные галаты, кто прельстил вас?» (Галат. 3,1) и: «Вы шли так хорошо, кто вас остановил?» (Гал.5,7); и в самом начале: «Удивляюсь, что вы так быстро переходите к другому благовестию от Того, Кто призвал вас благодатью» (Гал.1,6). Равно и к коринфянам написано, что они еще «плотские», еще «питаются молоком и непригодны к твердой пище» (1Кор. 3,1–2), и «думают, что знают что-нибудь, в то время как не знают еще того, что должно знать» (1Кор.8,2). Если они ссылаются на изъяны церковей, пусть верят в исправленные. Пусть узнают они и те церкви, знанию и общению которых радуется апостол и благодарит Бога: а ведь

они, вместе с теми, испорченными, и ныне делят права на единое учение.

28. Хорошо, допустим теперь, что все церкви впали в заблуждение, что и апостол был введен в заблуждение, давая о некоторых хорошее свидетельство, что Дух Святой ни об одной из них не имел попечения, чтобы «наставить ее на истину» (ср. Иоан. 14,26), – Дух, для того посланный Христом и испрошенный у Отца, чтобы быть учителем истины. Пренебрег-де своей обязанностью управитель Божий, наместник Христа, попустивший церквям тем временем иначе понимать, иначе верить, чем Он Сам проповедовал через апостолов. Да разве правдоподобно, чтобы столь многие и великие церкви заблуждались в одной и той же вере? То, что происходит среди многих людей, не имеет одинакового результата. поэтому ошибки в учении церкви должны были различаться. То же, что у многих оказывается единым, – не заблуждение, а предание.

Итак, дерзнет ли кто-нибудь утверждать, что заблуждались те, которые передали?

29. Как бы ни свершилось заблуждение, оно, во всяком случае, царило до тех пор, пока не было ересей. Для своего освобождения истина ждала каких-то маркионитов и валентиниан: а тем временем превратно учили Евангелию, превратно верили, тысячи тысяч неправильно были крещены, столько дел веры неправильно исполнялось, столько чудес неправильно совершено, столько даров неправильно получено, столько священнодействий и служб совершено неправильно, наконец, столько мучеников увенчано неправильно! А если все это не было неверно и втуне, то как же дела Божьи творились раньше того, чем открылось, какого Бога это дела? Как могли быть христиане прежде, чем найден был Христос? Как ереси могли существовать прежде истинного учения?

На деле, конечно, истина предшествует своему изображению, подобие следует за вещь. Право, совершенно нелепо считать, что ересь существует прежде истинного учения, – хотя бы потому, что само это учение возвестило: ереси будут и нужно их остерегаться. Для церкви, обладавшей этим учением, написано, – или, вернее, само учение наставляет свою церковь: «Если бы даже ангел с неба благовествовал вам иначе, чем мы, да будет анафема» (Гал. 1,8).

30. Где был тогда Маркион, понтийский корабельщик, приверженный стоическому учению³⁷? Где был Валентин, преданный платоническому? Ведь известно, что они были не так уж давно, чуть ли не в правление Антонина³⁸, и поначалу признали всеобщее учение в Римской церкви, в епископат благословенного Элевтерия³⁹, – пока за свою всегдашнюю беспокойную любострастность (которой они совращали братьев) не были

изгнаны единожды и дважды, а Маркион притом с двумястами [тысяч] сестерциев, которые он внес в церковь⁴⁰; и в недавние времена, отлученные от церкви навечно, они распространяли яд своих учений. После того Маркион, принеся публичное покаяние, был поставлен перед условием – он получит общение в том случае, если вернет церкви тех, кого научил на их погибель, – но смерть предвосхитила его. «Ибо надлежало и ересям быть». (1Кор. 11, 19). Но ереси вовсе не суть благо потому, что им надлежало быть, – как будто бы и злу не надлежало быть. Ведь надлежало, чтобы Господь был предан, но «горе предателю» (Мк. 14, 21)! Пусть никто не защищает ересь на этом основании. Если нужно рассмотреть родословие Апеллеса, то и он так же не древен, как Маркион, его наставник и поучатель. Связавшись с женщиной, этот отступник маркионова воздержания⁴¹ ушел от очей «святейшего» учителя в Александрию. Оттуда он вернулся через несколько лет, ни в чем не став лучше (разве что перестал быть маркионитом), и сошелся с другой женщиной, известной девицей Филуменой, о которой мы сказали выше [гл. 6] (потом она сделалась ужасной блудницей), той самой, обманутой чарами которой он записал откровения, от нее полученные. До сих пор есть в живых люди, которые их помнят, даже собственные их ученики и последователи, которые поэтому не могут отрицать, что они – недавнего времени. Впрочем, «делами своими, – как сказал Господь, – обличаются» (Матф. 7, 16). Ибо если Маркион отделил Новый Завет от Ветхого, то он – позже того что разделил, потому что он не мог бы разделить того, что не было единым. Стало быть, единство до разделения и последующее разделение показывает, что разделитель был позже. Да и Валентин, иначе толкующий и, вне сомнения, исправляющий Писание, ясно показывает, что все исправленное им (как прежде ошибочное) существовало раньше него. Их мы упомянули как самых заметных и постоянных искажителей истины. Но кроме них и некто Нигидий, и Гермоген⁴², и многие другие до сих пор блуждают, искажая пути Господни. Могут ли они показать мне, от какого авторитета изошли? Если они проповедуют другого бога, то почему пользуются делами, писаниями и именами Того Бога, против Которого проповедуют? Если Того же, то почему по-другому? Пусть докажут, что они – новые апостолы: пусть возвестят, что Христос вновь сошел, что Он снова учил, что снова распят, снова умер, снова воскрес. Ибо, как описывал апостол, так Он имел обыкновение поступать⁴³: даровал апостолам способность совершать те же знамения, что и Он Сам. Поэтому я желаю, чтобы явлены были и чудеса их. В одном только я признаю великое их чудодейство, где они превратно соперничают с апостолами: те

превращали мертвых в живых, а эти живых делают мертвыми.

31. Впрочем, завершив это отступление, я обращаюсь к доказательству того, что истина первоначальна, а лживость вторична. И в подтверждение сошлюсь на притчу, согласно которой «доброе семя» хлеба посеяно Господом раньше, чем от врага, дьявола, было добавлено поддельное семя "плевел" (ср. Матф. 13, 37–39). В собственном смысле тут изображено различие учений, ибо и в других местах слово Божье уподобляется семени. Поэтому самой последовательностью доказывається, что лишь то произошло от Господа и истинно, что передано изначально; а то, что привнесено позже, то чуждо и ложно. Это суждение будет иметь силу для любых будущих ересей, у которых нет никакой основательности, подкрепленной знанием, чтобы они могли притязать на истину.

32. Впрочем, если какие-нибудь [ереси] осмелятся отнести себя ко времени апостольскому, дабы выдать себя тем самым за апостольское предание (поскольку они существовали при апостолах), то мы можем ответить: но тогда пусть покажут основания своих церквей, раскроют череду своих епископов, идущую от начала через преемство, и так, чтобы первый имел наставником и предшественником своим кого-либо из апостолов, либо мужей апостольских (но такого, который пребывал с апостолами постоянно). Ибо апостольские церкви таким именно образом доказывают свое положение. Например, церковь Смирнская называет своим епископом Поликарпа, поставленного Иоанном, а Римская – называет таковым Климента, назначенного Петром⁴⁴. Таким же образом и прочие церкви показывают, в каких мужах, поставленных апостолами во епископы, имеют они отростки семени апостольского. Путь и еретики измышляют что-нибудь подобное. Что им осталось еще недозволенного после их богохульства? Впрочем, если даже они измыслили, то нимало не продвинутся, ибо учение их, будучи сопоставлено с апостольским, самим различием и противоположностью своей покажет, что создано оно вовсе не апостолом или мужем апостольским. Ведь как апостолы не учили ничему несогласному, так и мужи апостольские не провозглашали ничего противного апостолам, – ибо те, которые научились от апостолов, не могли проповедовать иначе. По такому же образцу будут судить и о тех церквях, которые хоть и не выставляют своим основателем никого из апостолов или мужей апостольских (ибо возникли много позже и постоянно возникают и сейчас), но единодушны в одной вере и потому считаются не менее апостольскими вследствие единокровности учения (*pro consanguinitate doctrinae*). Итак, пусть все ереси, призванные нашими церквями к ответу, покажут любым из двух способов, что считают себя

апостольскими. Но они не таковы, и не смогут ни доказать, что они таковы, ни получить мир и общение от церкви апостольских (по той или иной причине); то есть они никак не суть апостольские именно вследствие различности их учения и веры.

33. К этому я прилагаю разбор учений, существовавших тогда, при апостолах, и самими апостолами указанных и преданных проклятию. Ибо тем легче их изобличить, если будет открыто, что они существовали уже тогда или произошли от семени тех, которые уже тогда существовали. Павел в Первом послании к Коринфянам обличает тех, кто «отрицает воскресение» и сомневается в нем (ср. 1Кор.15,12). Собственно, это мнение «саддукеев»⁴⁵, частью его заимствуют Маркион, Апеллес, Валентин и все прочие, которые сокрушают учение о воскресении плоти. И обращаясь к Галатам, он порицает тех, кто соблюдает закон и защищает обрезание» (ср. Гал. 5:2,4): это ересь Эвиона. Наставляя Тимофея, Павел бранит «запрещающих брак» (ср. 1Тим. 4,3), – а ведь так учат Маркион и его последователь Апеллес. Равным образом он порицает и тех, которые заявляли, что «воскресение уже было» (ср. 2 Тим, 2,18): а это утверждают о себе валентиниане. Но и когда он говорит о «бесчисленных родословиях» (ср. 1Тим. 1,4), и тут распознается Валентин. У него упомянутый и неведомый Эон, имеющий новое и не одно имя, рождает из своей благодати Ум и Истину; и они, в свою очередь, порождают Слово и Жизнь, затем и эти рожают Человека и Церковь, и так получается первая восьмерка эонов. Отсюда возникают другие десять эонов и остальные двенадцать эонов с удивительными именами, и получается настоящая басня о тридцати эонах. Тот же апостол, порицая «служащих стихиям» (ср. Кол. 2,8), указывает этим кое-что из учения Гермогена, который, вводя нерожденную материю, уподобляет ее нерожденному Богу и превращая мать стихий в богиню, может служить ей, ибо уподобляет ее Богу⁴⁶. Иоанн же в Откровении повелевает наказывать тех, которые «едят идоложертвенное и любодествуют» (Апок. 2,14). И теперь есть «николаиты», но другие – это «Каинова ересь»⁴⁷. И в своем послании он особенно называет антихристами тех, которые отрицали, что Христос «явился во плоти», и которые не считали «Иисуса Сыном Божьим» (1Иоан. 4,3): первое защищал Маркион, а второе – Эвион. Что до учения Симона Мага, которое служит ангелам, то оно и само причислялось к идолослужению и осуждалось апостолом Петром в лице самого Симона⁴⁸.

34. Таковы, думается мне, роды превратных учений, существовавших при апостолах, – как мы знаем от них самих. И однако при всем разнообразии извращений, мы не находим ни одного учения среди них,

которое возбудило бы спор о Боге, Творце мироздания. Никто и помыслить не смел о другом Боге. Колебались скорее о Сыне, нежели об Отце, – пока Маркион не ввел кроме Творца другого Бога, единственно благого, пока Апеллес не превратил в Творца неведомо какого славного ангела, [посланного] верховным Богом, сделал его Богом Закона и Израиля, утверждая, что он огненный; пока Валентин не рассеял свои зоны, и недостаток одного зона не связал с происхождением Бога-Творца. Им единственным, им первым открыта Божественная истина, – и еще бы, они получили большее достоинство и большую благодать от дьявола, который и в том возжелал соревноваться с Богом, чтобы из ядовитых учений самому извести «учеников превыше учителя» (Лук. 6,40), – в чем Господь отказал им. Пусть уж тогда всевозможные ереси, которые когда-то были, сами избирают себе время существования: раз они не причастны истине, то неважно, когда они были. Во всяком случае, те, которые не были названы апостолами, не могли и существовать при апостолах: если бы они существовали, то, разумеется, были бы поименованы как обреченные к наказанию. Те же, которые были при апостолах, осуждаются самим наименованием. Значит, либо те самые ереси, которые при апостолах были грубыми, теперь стали несколько более изощренными, – и тогда осуждаются на том же основании, – либо одни были прежде, а другие возникли позже, но заимствовали кое-что у первых, – но тогда, разделяя с первыми общность учения, они неизбежно разделяют с ними и общность осуждения. Поскольку в порядке следования они появились позже, то, хотя и не участвовали в осужденных учениях, все же осуждаются по одному лишь времени своего появления; они тем более превратны, что апостолы даже не назвали их по имени. Отсюда тем лучше видно, что они суть те самые, о которых возвещено было тогда, как о грядущих.

35. Вызванные нашими требованиями к суду и избличенные, все эти ереси, – появившиеся позже или современные апостолам (но равно противные их учению), осужденные ими целиком или же только отчасти (но равно осужденные), – могут, пожалуй, и сами выставить нам в ответ несколько подобных возражений против нашего учения. Если они отрицают его истинность, то должны доказать, что оно – тоже ересь, избличив его тем же образом, каким избличаются сами; одновременно они должны указать, где же нужно искать истину, которая, как это уже ясно, не у них. Наше учение никак не позднее, – напротив, оно прежде всех: таково свидетельство истины, всюду имеющей первенство. Оно нигде не осуждается апостолами, напротив – защищается: таков признак законного владения. Ибо те, которые осуждают всякое чуждое учение, но

не осуждают нашего, показывают тем самым, что оно принадлежит им и потому защищается.

36. Ну что же! Ты, желающий скорее упражнять любострастие в деле спасения твоего, пройди мимо церквей апостольских, в которых и до сего дня стоят подлинные кафедры апостолов, в которых оглашаются подлинные их писания⁴⁹, звучащие их голосами и являющие образ каждого из них. Тебе ближе всего Ахайя⁵⁰? У тебя есть Коринф. Если ты поблизости от Македонии, у тебя есть Филиппы, есть Фессалоника. Если можешь направиться в Азию, у тебя есть Эфес, а если поблизости Италия, – то Рим, откуда исходит авторитет и для нас.

Сколь счастлива эта церковь! Все учение ее апостолы напитали своей кровью; в ней Петр уравнился с Господом в страдании, Павел венчался кончиной Иоанновой, в ней апостол Иоанн, после того как был погружен в кипящее масло, ничуть не пострадал и был сослан на остров⁵¹. Посмотрим, чему она выучилась, чему научила, дружески общаясь и с африканскими церквями. Она признает одного Бога, Творца мироздания, и Иисуса Христа, рожденного от Девы Марии, Сына Бога-Творца, и воскресение плоти. Она сочетает Закон и Пророков с Евангелиями и писаниями апостольскими, отсюда черпает веру, знаменует ее водою, облакает Духом Святым, питает таинством причащения, побуждает к мученичеству и никого не принимает, кто против этого учения. Таково учение, которое, уж не говорю, предвозвестило грядущие ереси, но из которого ереси произошли. Однако они стали не от него, как только пошли против него. Ибо даже из косточки плодоносной, наилучшей и настоящей оливы появляется корявое и дикое оливковое дерево, а из зернышка приятнейшей и сладчайшей смоковницы вырастает бесплодная и пустая дикая смоква. Так и ереси: хоть от нашего ствола, но не нашего рода; хоть из зерна истины, но одичавшие от лжи.

37. Если верно, что истина присуждается нам, – ибо мы обладаем тем Правилем веры, которое церковь получила от апостолов, апостолы – от Христа, а Христос – от Бога, то сохраняется и смысл нашего утверждения; а оно гласит, что еретиков не должно допускать к прениям о Писании, ибо мы и без Писания доказываем, что они не имеют отношения к Писанию. Коли они еретики, то не могут быть христианами, ибо не от Христа должны были получить учение; они приняли его по своему выбору и потому получили имя еретиков. А раз они не христиане, то не имеют никакого права на христианские сочинения. Им по справедливости можно сказать: Кто вы? Когда и откуда пришли? Что делаете вы у меня, если вы не мои? По какому праву, скажем, ты, Маркион, рубишь мой лес? По

чьему дозволению, Валентин, ты обращаешь вспять мои источники? Какой властью, Апеллес, ты передвигаешь мои границы? Что вы, прочие, сеете и пасете здесь по своему произволу? Это мое владение, мне оно принадлежит издавна, у меня прочные корни – от тех самых владетелей, кому все принадлежало. Я [церковь] – наследница апостолов. Я владею так, как они распорядились в своем завещании, как препоручили вере, как утвердили клятвой⁵². Вас же они навсегда лишили наследства и отвергли как чужих, как врагов. Почему же еретики чужды и враждебны апостолам, как не из-за противности своего учения, которое каждый по своему произволу создал или получил вопреки апостолам?

38. Значит, извращение Писаний и толкований их нужно искать там, где открываются разногласия в учении. У кого было намерение учить иначе, тот по-другому должен был распоряжаться и средствами учения. Да они и не могли бы учить иначе, если бы не имели других средств для поучения. И как они не могли бы учить без порчи этих средств, так и мы не обладали бы неповрежденным учением без цельности того, чем это учение излагается. Но разве мы чем-то недовольны в наших книгах? Что мы привнесли своего, дабы исправить нечто противоречащее этому в Писании, – или убирая, или прибавляя, или изменяя? Что Писание с самого начала своего, то и мы. Мы из него вышли прежде, чем стало иначе, прежде чем вы его исказили. Но поскольку всякое искажение нужно считать чем-то позднейшим, во всяком случае происходящим по причине ревности (а она никогда не бывает прежде того, чему ревнует, и никогда не бывает при нем), – то любой разумный человек сочтет невероятным, чтобы мы, первые и вышедшие из самого Писания, исказили его превратным текстом, а те, которые были и позже, и противны ему, не делали этого. Один искажает Писание рукою, другой – извращает смысл превратным толкованием. Ведь хотя Валентин, по видимости, и пользуется неповрежденным текстом, он более лукавым образом, чем Маркион, наложил руку на истину. Ибо Маркион прямо и открыто использовал меч, а не стиль, так как для своего намерения совершил убийство Писания⁵³. Валентин же пощадил его, потому что не Писание приспособил для своего предмета, а свой предмет для Писания; и тем не менее, он больше отнял и больше прибавил, устраняя собственное значение отдельных слов и привнося иное, не существующее на деле.

39. Таковы козни «духов нечестия» (Еф. 6,12), с которыми, братья, нам надлежит сражаться и основательно их разобрать; нужны для веры, дабы явились избранные и открылись нечестивые. Потому-то духи имеют силу и способность измышлять заблуждения и наставлять в них. Но не

стоит удивляться этому как чему-то невозможному и невыразимому, ибо примеры такой способности встречаются и в языческих сочинениях. И ныне можно видеть, как из Вергилия составляется совершенно другой рассказ и содержание принаравливается к стихам, а стихи – к содержанию. Например, Осидий Гета целиком смастерил из Вергилия свою трагедию «Медея»⁵⁴, а один мой родственник из того же поэта заимствовал, кроме прочих трудов своего пера, «Картину» Кебета⁵⁵. «Гомероцентонами» ведь обычно зовут тех, кто составляет собственные сочинения из песен Гомера, подобно тому, как из многих лоскутков⁵⁶, поставленных там и сям, сшивают нечто цельное. А Божественные сочинения, конечно, более изобильны самым разнообразным материалом для такого дела. Я ничем не рискую, если скажу, что и само Писание по воле Божьей так составлено, что предоставляет еретикам материал, – ибо читаю: «Надлежит быть и ересям», а без Писания они быть не могут.

40. Спрашиваемся, наконец: кем же внушается знание того, что пригодно для ересей? Разумеется, дьяволом, дело которого – извращать истину, который даже самым священным таинствам подражает в идольских мистериях. И он сам крестит некоторых, – тех именно, кто верит в него и верен ему: он обещает взамен снятие грехов в этой купели⁵⁷. И если я еще помню, Митра чертит там [т.е. в царстве дьявола] знаки на лбах своих воинов⁵⁸, празднует он и приношение хлеба, представляет образ воскресения и под мечом уносит венок⁵⁹. Что же еще? Ведь и первосвященнику своему он установил единобрачие⁶⁰; у него есть девственницы, есть и аскеты (*continentes*). Далее, если мы обратимся к суевериям Нумы Помпилия⁶¹, если рассмотрим обязанности жрецов, их знаки отличия и привилегии, жертвенные служения, священные предметы и сосуды самих жрецов, наконец, мелочную заботливость об умиловлечениях и обетах, – то не будет ли ясно, что дьявол подражает мелочному ритуалу иудейского закона? И уже конечно, тот, кто с такой притворной подражательностью стремился выразить в делах идолослужения самые средства (*res*), при помощи которых совершаются таинства Христовы, вне сомнения, так же и с тем же замыслом стремился и мог принаровить божественные тексты и сочинения святых мужей к чуждой и подражательной вере, заимствуя мысль из мысли, слова из слов, притчи из притч. Поэтому никто не должен сомневаться ни в том, что духовное нечестие внесено от дьявола, ни в том, что ереси тождественны идолослужению, ибо они того же происхождения и замысла, что идолослужение. Они измышляют другого бога вопреки Творцу или, – если признают единого Творца, – учат о Нем не по истине. Стало быть, всякое

ложнословие о Боге есть некоторого рода идолослужение.

41. Не премину я описать и самый образ жизни еретиков, – сколь он ветреный, сколь бренный, сколь земно-человеческий, без достоинства, без авторитета, без порядка церковного, – в полном согласии с их верою. Прежде всего, неясно, кто здесь оглашенный, кто верный⁶², – вместе входят, вместе выходят, вместе слушают, вместе молятся; ведь и язычники, если придут, «бросят святыню псам и жемчуг свиньям», – пусть и не настоящий. Простотой они желают считать разорение порядка церковного, заботу о котором у нас они называют пустой прикрасой. Церковное общение делят они повсюду со всеми: для них оно ничего не значит (хоть все они учат по-разному), раз все они единокорны в желании низвергнуть единую истину. Все они надменны, все сулят знание. Оглашенные у них прежде становятся верными, чем научаются [вере]; а сколь дерзки сами женщины – еретички! Они осмеливаются учить, спорить, изгонять духов, обещать исцеление, а может, даже и крестить. Рукоположения у еретиков необдуманно, легкомысленно, беспорядочно: то назначают неофитов, то исполнявших мирскую службу, то наших отступников, – чтобы удержать их почестями, если не могут удержать истиной. Нигде так легко не продвигаются в должности, как в лагере бунтовщиков, ибо самое пребывание там вменяется в заслугу. А потому у них сегодня один епископ, завтра другой; сегодня диакон тот, кто завтра чтец, священник тот, кто завтра станет мирянином: они ведь и мирянам препоручают священнические дела.

42. А что сказать о том, как они пользуются словом? Ведь заняты они не обращением язычников, а совращением наших. Славу они ищут скорее в том, чтобы низвергнуть стоящих, нежели воздвигнуть лежащих. А поскольку дело их происходит не от собственного их строительства, но от разрушения истины, то они подкапывают наше, чтобы возвести свое. Отними у них закон Моисеев, отними пророков и Бога-Творца – что они тогда смогут обвинять? Получается, что они более способны разрушать стоящие здания, чем воздвигать лежащие развалины. Лишь ради этого проявляют они смирение, обходительность и покорность; а в остальном не знают почтения даже к предстоятелям своим. Вот почему у еретиков почти не бывает расколов: они, если даже и есть, не бросаются в глаза. Их единство и есть раскол. Я солгу, если буду утверждать, что в своей среде они не преступают даже своих правил [веры], ибо любой по своему произволу так же изменяет то, что получил, как по своему же произволу это сочинил тот, кто передал. А последующие дела сами являют свою природу и образ своего происхождения. Валентинианам дозволено то же,

что и Валентину, маркионитам – то же, что и Маркиону: по собственному произволу обновлять веру. Наконец, внимательное рассмотрение всех ересей обнаруживает, что они во многом расходятся со своими основателями. Многие не имеют даже церквей: без матери, без пристанища, без веры блуждают они, как никчемные изгнанники.

43. Уже отмечено, сколь тесны сношения еретиков с многочисленными магами, шарлатанами, астрологами, философами – с теми, конечно, которые преданы любострастию. «Ищите и найдете» – этого они никогда не забывают. И постольку о свойстве их веры можно судить по образу их жизни: строгость нравов есть показатель достоинства веры. Они отрицают страх Божий – поэтому им все позволено и все разрушено. А где еще не страшатся Бога, как не там, где Его нет? Где нет Бога, там нет и истины; а где нет истины, там неизбежна и такая дисциплина. А где Бог, там и страх Божий, который есть «начало премудрости» (Пс. 110,10; Притч. 1,7). Где страх Божий, там и достойная серьезность, ревностное прилежание, беспокойная забота, вдумчивое посвящение в сан, обдуманное общение, продвижение по заслугам, благоговейное подчинение, преданное служение, скромное появление, единая церковь и все – Божье.

44. Итак, перечисленные свидетельства нашей строгой церковной дисциплины умножают доказательность нашей истины: от нее невыгодно уклоняться никому, кто помнит о грядущем суде, – «а всем нам должно предстать пред судилищем Христовым» (2Кор. 5, 10), чтобы дать отчет прежде всего в самой вере. Что же тогда скажут те, которые осквернили еретическим прелюбодеянием девственную веру, врученную им от Христа? Они, я думаю, станут оправдываться тем, что ни Христос, ни апостолы Его никогда ничего не возвещали им о грядущих учениях, ложных и превратных, и не заповедали беречься и остерегаться их. Тогда уже [Христу и апостолам] нужно будет признать, что виноваты они сами (а не еретики), – ибо они не предостерегли нас заранее⁶³. Затем [еретики] приведут много соображений в защиту авторитета всякого еретического учителя: они-де особенно подтверждали верность своего учения тем, что воскрешали мертвых, исцеляли больных, предвозвещали будущее, – так что по праву считались апостолами. (Как будто и не было написано, что придут многие, которые сотворят великие чудеса, дабы усилить обман своей ложной проповеди.) И они-то заслужат прощение! Те же, которые, точно помня о предостережениях Господних и апостольских, пребывают в неповрежденной вере, те, я думаю, будут сомневаться в милости к себе, ибо Господь ответит им: «Я ясно предвозвестил, что будут ложные

учители во имя Мое – и во имя пророков и даже апостолов; и Я повелел ученикам Моим проповедовать вам то же самое. Раз и навсегда вручил Я апостолам Моим Евангелие и учение об одном и том же правиле веры. Но так как вы не уверовали, то Мне угодно было потом нечто в нем изменить. Ибо Я обещал даже воскресение плоти, однако рассудил, что не в силах этого исполнить. Я объявил, что рожден от Девы, но потом это показалось Мне постыдным. Я назвал Отцом Своим Того, Кто сотворил солнце и дожди, но Меня принял иной, лучший Отец. Я запретил вам обращать слух к еретикам, но Я ошибся...» Такие мысли пленяют тех, которые, отклонившись от истинной веры, подвергаются опасности⁶⁴.

45. Теперь, однако, мы завершили общее наше рассуждение против всех ересей; несомненные, справедливые и неизбежные возражения требуют отказывать им в прении о Священном Писании. О прочем, если будет на то милость Божья, мы ответим некоторым еретикам особо⁶⁵. Тем же, которые читают это с истинной верою, да будет мир и милость Бога нашего Иисуса Христа во век.

Примечания

¹ - См. Матф. 7:15, 24:4, 11, 24; 1Тим. 4:1–3.

² - См. 1Цар. 18.

³ - См. 1Цар. 13,14.

⁴ - См. 2Цар. 11.

⁵ - См. 3Цар. 11,4.

⁶ - См. Евр. 4, 14–15.

⁷ - См. Ин. 6, 66.

⁸ - См. Иоан. 1:1, 6:67–68, 16:30.

⁹ - См. 2Тим. 1:15, 2:17; 1Тим. 1,20. Упомянутого Гермогена Тертуллиан в трактате «О воскресении плоти» (24, ср. 1) причисляет к еретикам, отрицавшим воскресение плоти.

¹⁰ - См. 1Кор. 11:18–19.

¹¹ - См. Галат. 5,20.

¹² - Значение термина *αἵρεσις*, как особой «системы взглядов» утвердилось еще в античной традиции (напр., Диоген Лаэртский, VII, 191 и др.).

¹³ - Апеллес – известный ученик Маркиона. Жил в Риме в конце II в. Значительную часть сведений о нем сообщает Тертуллиан. Информация о личной жизни Апеллеса у Евсевия («Церковная история», V, 13) и других авторов (Ипполит. «Против ересей», X, 20) не носит того оттенка скандальности, который присутствует у Тертуллиана. Апеллесу принадлежало сочинение под названием *Φαυερωσες* («Откровения»), в котором он изложил пророчества своей подруги Филумены, и, возможно, трактат «Силлогизмы», где критиковалась теология Моисея (см. Псевдо-Тертуллиан. «Против ересей», 19). В доктринальном отношении Апеллес отошел от резкого Маркионова дуализма и признавал единое начало для всего сущего. Тертуллиан написал специальный трактат против последователей Апеллеса (не сохранился).

¹⁴ - См. Валент. 26; Душ. 21.

¹⁵ - Видимо, намек на стоического мудреца, в своей безмятежности подобного богу.

¹⁶ - См. прим. 4 к трактату «О свидетельстве души».

¹⁷ - Имеется в виду стоическое учение о телесности сущего, сформулированное, по-видимому, уже основателем школы Зеноном.

Телесно-огненный бог-логос стойков напоминал огненный логос Гераклита.

¹⁸ - В тексте соответственно греч. ἐνθύμησις ("мысль") и ἐκτρωμα (букв. «выкидыш»); так Валентин обозначал последний, тридцатый Эон, т.е. Христа (см. ниже, гл. 34 Иероним. 1 Комментарий на кн. Амоса 3).

¹⁹ - Quid ergo Athenis et Hierosolymis? quid Academiae et Ecclesiae? Букв.: «Так что же общего у Афин и Иерусалима, у Академии и Церкви?» Ср. Апол. 46.

²⁰ - Поначалу апостолы учили в так называемом Портике Соломона в Иерусалиме (Деян. 3,11).

²¹ - Иоанн Креститель. Ср. Марк. IV, 18; Крещ. 10.

²² - Неточность: у Луки не упоминается Илия.

²³ - Текст испорчен. Принимаем чтение Rig.-Oehl.: expedit de sensu certare cum interpretationis gubernaculo.

²⁴ - Эвион – имя, возможно, никогда не существовавшего ересиарха, которое Тертуллиан ошибочно выводит из названия иудео-христианской секты «эвионитов» (то же, что πτωχοί, «нищие» у Матф. 11,5; Галат. 2,10). Упоминаются со времен Иринейя («Против ересей», I, 22), особое влияние имели в Иерусалиме. Вели аскетический образ жизни. От сочинений эвионитов сохранились лишь незначительные фрагменты. Известно, что у них было свое Евангелие (версия Евангелия от Матфея). Теоретические воззрения с трудом поддаются реконструкции из-за разноречивости источников. Обычно им инкриминируются христологические заблуждения – например, признание одного Христа до Его крещения, другого – после, отрицание рождения Христа от Марии (матери простого человека Иисуса) и т.п. (см. Пл. Христ. 24; Hilgenfeld, S. 421f). Под Симоном понимается Симон Маг, самаритянин – чародей, упомянутый еще в «Деяниях» (Деян.8:9–24); с его именем связывают возникновение гностического учения. Ср. Идол. 9.

²⁵ - Текст испорчен. Принимаем чтение Rig.-Oehl.: ego itaque... dum ubique convenio... et velut si nusquam... Это чтение подкрепляется сходными местами (Напр., Мк, II, 17); возможен и намек на фразу Сенеки («Письма», 2, 2): Nusquam est qui ubique est («Кто везде, – тот нигде»). Ср. Марциал, VII, 73. Convenio можно понимать в значении arcesso («побуждаю»).

²⁶ - Regula fidei – здесь, собственно Символ веры в его начальной редакции. См. след. главу.

- ²⁷ - Текст испорчен. Принимаем чтение Rig.: curiosus tecum.
- ²⁸ - Критические издания Н. З. дают для Тит. 3,10 «после первого и второго вразумления:
- ²⁹ - См. Пс. 108,8; Деян. 1,20.
- ³⁰ - См. Иоан. 13:25–26, 19:26, 21:20; Мф. 17сл.; Лук.9сл.
- ³¹ - Например, манихеи, Маркион, возможно, эвиониты.
- ³² - См. Галат. 2,11 сл.
- ³³ - См. 1Кор. 15,9.
- ³⁴ - См. Иоан. 5,31.
- ³⁵ - См. Деян. 16,3.
- ³⁶ - см. гл. 22
- ³⁷ - О том, что Маркион происходил с Понта (область на северо-востоке М. Азии), сообщают Юстин («Апология», 26; 58) и Ириней («Против ересей», IV, 6). Что он был корабельщиком, известно также из сообщения Евсевия («Церковная история», V, 13, 3).
- ³⁸ - Валентин и Маркион жили при императоре Антонине Пие (138–161), а, возможно, и при Марке Аврелии (161–180).
- ³⁹ - Точнее, Элевтер – епископ Римский в 177–192. Упоминание Элевтера в данном контексте является анахронизмом.
- ⁴⁰ - См. Мк. IV, 4.
- ⁴¹ - Маркион запрещал брак.
- ⁴² - Нигидий – видимо, гностик; известен только из данного упоминания. Гермогену Тертуллиан посвятил специальный трактат.
- ⁴³ - Текст испорчен. Принимаем чтение Rig.: Sic enim apostohis descripsit, solet facere...
- ⁴⁴ - Апостольские церкви были основаны самими апостолами – в Коринфе, Филиппах, Фессалонике, Эфес и Риме. (См. ниже, гл. 36.) Евсевий («Церковная история», VII, 10) присоединяет к ним еще кафедру апостола Иакова в Иерусалиме. О Поликарпе и Клименте см. Евсевий
- ⁴⁵ - Саддукеи – влиятельная (наряду с фарисеями) религиозно-политическая группировка в Иудее в I в. д.Х. – I в. Объединяла по преимуществу высшие слои жречества. Считалось, что саддукеи отрицали воскресение мертвых и грядущий Суд (см. Мф. 22,23; Деян. 23,8; Терт. Воскр. 2; 36 и др.).
- ⁴⁶ - См. Герм. 2–3; 6.
- ⁴⁷ - Caiana haeresis Н. Щеглов переводит неверно как «ересь Гая».

Между тем речь несомненно идет о «Каиновой ереси» (см. Крещ. 1, прим. 2). Основателем ереси николаитов считался Николай Антиохийский, поставленный в диаконы самими апостолами (Деян. 6,5). Николаиты сурово осуждаются в «Откровении» Иоанна (Апок. 2:6, 14, 20) за то, что призывали «любодействовать» и есть «идоложертвенное» (ср. Мк. I, 29; Климент Александрийский. «Строматы» II, 20, 118; III, 4, 25). Впрочем, Евсевий («Церковная история», III, 29, 2)) и другие считали невозможным, чтобы ересиархом оказался преемник апостолов, и были склонны оправдывать Николая.

⁴⁸ - См. выше прим. 24

⁴⁹ - «Подлинные» (authenticae) – вряд ли подлинны греческие автографы; скорее всего, просто тексты, свободные от еретических искажений (ср. Единобр. 11).

⁵⁰ - Ахайя – область на севере Пелопоннеса. Во времена Римской империи – провинция с центром в Коринфе, включавшая всю Грецию.

⁵¹ - Согласно преданию, Петр был распят в Риме вниз головой, а Павел обезглавлен там же; их смерть относят к 65 году (Нероновы гонения против христиан). Это предание, оформившееся во II веке, Евсевием («Церковная история», II, 25)) преподносится как нечто давно и хорошо известное. Версия о том, что ап. Иоанн перед ссылкой на о.Патмос был погружен в кипящее масло, принадлежит, видимо, самому Тертуллиану.

⁵² - См. 1Тим. 5:21, 6:13; 2Тим. 2:14, 4:1–4.

⁵³ - Маркион исключил из Нового Завета часть Ев. от Луки, «Деяния», «Откровение» и часть Посланий ап. Павла. Ветхий Завет он отвергал полностью.

⁵⁴ - Осидий Гета – лицо неизвестное. «Лоскутная» трагедия «Медея» (461-й стих) сохранилась в средневековых рукописях, но без имени автора.

⁵⁵ - Pinax (Tabula) Sebetis – аллегорическое сочинение в форме диалога, приписываемое ученику пифагорейца Филолая и впоследствии слушателю Сократа Кебету Фиванскому (см. Диоген Лаэртский, II, 125). Настоящее время создания – не ранее I в. В диалоге заметно влияние кинических, стоических и пифагорейских идей.

⁵⁶ - Sento (от греч. κεντρων) – лоскутное покрывало, нищенский плащ.

⁵⁷ - Ср. Крещ. 5.

⁵⁸ - Культ Митры, распространившийся в империи в первые века, испытал влияние гностицизма, а в некоторых элементах напоминал христианский культ.

⁵⁹ - Sub gladio redimit coronam. Смысл неясен; возможно, имитация христианского мученичества.

⁶⁰ - См. Жен. I, 7.

⁶¹ - См. прим. 152 к трактату «К язычникам».

⁶² - Оглашенный» (от греч. κατηχεω, «оглашать», «наставлять») – человек, готовящийся к принятию крещения; он мог присутствовать вместе с «верными» (крещеными) при всех таинствах, кроме Литургии, или Евхаристии.

⁶³ - Здесь и ниже сказано иронически.

⁶⁴ - Нижеследующий абзац иногда присоединяется к гл. 44, но обычно выделяется в отдельную 45 гл.

⁶⁵ - Фразу следует понимать в том смысле, что речь идет о больших антигностических трактатах («Против Маркиона» и др.), так как следующий в некоторых рукописях непосредственно за 45 главой текст под названием «Против ересей», как установлено, не принадлежит Тертуллиану.

Содержание

Тертуллиан О прескрипции [против] еретиков	1
Тертуллиан	
Примечания	27